



С. Е. Маловъ.

Шаманство у сартовъ Восточнаго Туркестана¹.

(Къ поясненію коллекціи Музея Антропологии и Этнографіи по восточно-туркестанскому шаманству).

Наблюдающійся за послѣднее время интересъ къ шаманству среди этнографовъ² и появленіе въ печати новыхъ статей по шаманству побудили меня представить здѣсь краткія свѣдѣнія о шаманствѣ въ Китайскомъ или Восточномъ Туркестанѣ на основаніи части матеріала, который я собралъ во время второго путешествія по Китаю, совершеннаго по порученію Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи въ 1913—1915 гг.³

Судя по имѣющимся скуднымъ свѣдѣніямъ объ остаткахъ шаманства въ обѣихъ частяхъ Туркестана, я никакъ не ожидалъ встрѣтить шаманство въ Китайскомъ Туркестанѣ въ той мѣрѣ, въ какой оно теперь тамъ существуетъ; оно распространено и практикуется тамъ рѣшительно вездѣ: гдѣ больше, гдѣ меньше. По моимъ наблюденіямъ шаманство больше всего практикуется въ Кашгаріи, т. е. въ гг. Кашгарѣ, Аксу, Яркендѣ, Хотанѣ, въ оазисѣ Керія; какъ будто меньше — въ Хамійскомъ и Лобнорскомъ оазисахъ.

Въ Кучарѣ и Кульджѣ я не былъ. Когда я былъ, напр., въ Хотанѣ и въ Каргалыкѣ (зимой 1914—1915 гг.), то мои знакомые шаманы не имѣли, можно сказать, совершенно свободнаго времени, постоянно, и днемъ и ночью, исполняя «требы» многихъ чающихъ исцѣленія.

¹ Статья эта была доложена въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 13 февраля 1916 г. и вызвала обменъ мнѣній, о которыхъ см. въ журналѣ засѣданія, напечатанномъ въ «Извѣстіяхъ И. Р. Г. О.», т. LII, вып. III, 1916 г.; отд. отт. журнала см. въ приложеніи къ Жив. Ст. 1916, вып. I). *Ред.*

² Извѣстія Русскаго Комитета для изуч. Ср. и Вост. Азіи; серия II, № 2, стр. 4—5.

³ Тамъ же, стр. 36—38.

Сборникъ Музея Антроп. и Этногр., т. V.

Отношеніе сартовъ къ шаманству довольно странное, двойственное. О шаманствѣ говорятъ съ шуточками, съ усмѣшкой; во время шаманскихъ церемоній нѣтъ религіозной настроенности, нѣтъ соблюденія внѣшняго порядка; тутъ можно лицамъ присутствующимъ и смѣяться, ходить и выходить, разговаривать; нѣкоторые шутники перебиваютъ шамана и вставляютъ въ его стихи свои шутки и даже очень «крѣпкія» слова. Несмотря на все это, шаманство сильно, и къ шаману идутъ за помощью влюбленные, идутъ что-либо потерявшіе, но главнымъ образомъ къ шаманамъ обращаются больные. Тишина и внѣшняя религіозная настроенность моментально настаютъ среди моленія только во время чтенія шаманомъ вполголоса чисто мусульманскихъ на арабскомъ языкѣ молитвъ и главъ и стиховъ изъ Корана. Чтеніе это сарты выслушиваютъ съ вытянутыми по-мусульмански передъ лицомъ руками. Но вотъ арабская молитва кончена, сарты дѣлаютъ отираніе или взмахъ руками передъ своимъ лицомъ — и опять начинаются обычный шумъ и гамъ, обычное «вольное» отношеніе къ совершаемой шаманской церемоніи.

Шаманство прочно держится въ Восточномъ Туркестанѣ вмѣстѣ съ господствующимъ тамъ теперь мусульманствомъ.

Связь шаманства съ исламомъ — вотъ одна изъ причинъ жизненности туркестанскаго шаманства среди сартовъ-мусульманъ. Шаманство поспѣшило, при встрѣчѣ съ исламомъ, воспринять въ себя многое отъ него и этимъ обезпечить себѣ прочное будущее.

Во время шаманскихъ церемоній шаманомъ читаются главы и стихи изъ Корана и мусульманскія молитвы на арабскомъ языкѣ. Въ стихахъ же на мѣстныхъ туркестанскихъ нарѣчіяхъ тоже упоминается очень многое отъ ислама; изъ лицъ чаще всего упоминаются пророкъ Сулейманъ (Соломонъ), Даудъ (Давидъ), архангелъ Гавріиль, пророки Хызръ и Илія и др.; нѣкоторые предметы и дѣйствія при камланіи возводятся (въ рукописныхъ сборничкахъ) ко временамъ Мухаммеда, основателя ислама.

Вотъ нѣсколько шаманскихъ стиховъ-молитвъ изъ рукописныхъ туземныхъ шаманскихъ обрядниковъ и изъ моихъ записей (въ русскомъ переводѣ):

1. [Изъ шаманскаго обрядника изъ г. Урумчи:] Во имя Бога милостиваго и милосердаго! Я заклинаю васъ, о, дивы (دیو), о, пери (پری)! Скачущіе на бѣлыхъ коняхъ! Съ плетками, какъ змѣя! Съ золотыми султанами! Сидящіе на серебряныхъ престолахъ! Со стальными копьями! О, вы, пахнущіе мускусомъ! Жемчугозубые! Съ камфарными волосами! Съ длинными и тонкими бровями (буквально: «какъ калямъ»; قلم камышевое перо, заострѣнная

палочка для писанія)! Съ томными, какъ нарцисъ, глазами! Сладкорѣчивые! Имѣющіе зеленія облака! Благовонные! Подобныя быстрымъ иноходцамъ! Со змѣеподобными плетками! Восходящіе на облака! Взлетающіе на небо! Поднимающіеся на горы! Переплывающіе рѣки! Спускающіеся на луга! Живущіе на высотахъ! Низводящіе бѣдствія на мужчицъ и женщинъ! И закрывающіе 7 отверстій въ тѣлѣ (человѣка)! Я пришелъ произнести надъ вами заклинаніе (عزایم قیل غلی کلریم)! Я пришелъ съ повелѣніемъ Славимаго (Бога) перевести (کوچورکلی) васъ (т. е. изъ больного человѣка въ предлагаемое животное или въ какую-либо вещь)! Я пришелъ унести (کوترکلی) болѣзнь изъ 360 жилъ, изъ 444 костей и изъ 244 мускуловъ! Выселяйтесь и уходите изъ головы и глазъ, изъ 7 отверстій! О, проклятые, находящіеся на востокѣ, западѣ, югѣ и сѣверѣ! Нѣтъ силы и нѣтъ могущества кромѣ какъ у Бога Высокаго и Великаго!

2. [Заклинаніе изъ того же сборника изъ г. Урумчи:] Я пришелъ за вами! Я возвращу (вамъ) совершенныя (вами) козни (قیلغان افت لارنی)! Переселяйтесь (یا ناندورمن)! Уходите (کیتکیل)! О, проклятые! Ради Гавріила, ради Исрафила, ради Азраила, ради Михаила, ради Шамнахаила (شماخائیل), ради приближенныхъ (مقرب) ангеловъ, ради престоловъ: арша (عرش, арабск., тронъ, небо, мѣстопребываніе Бога) и курсія (کرسی, арабск., тронъ Бога), ради трости и ради скрижали (اللوح المحفوظ, арабск., хранимая скрижаль или книга вѣчнаго Промысла Божія, въ которой записана судьба всѣхъ тварей до дня воскресенія)¹, ради рая и ада, ради великой Кабы (الكعبة). Каба—храмъ въ Меккѣ), ради мѣста источника (въ меккійскомъ храмѣ) Земземъ (زمزم), ради Иерусалима, ради пророковъ, ради святыхъ, ради Хызра и Ильяса (Иліи), ради всѣхъ заклинаній, ради заповѣдей и завѣтовъ, находящихся въ 4 книгахъ: ради Евангелія Иисуса, ради Торы Моисея, Псалтири Давида и Корана пророка Божія Мухаммеда, — переселяйтесь и уходите, о, проклятые! Изъ 363 жилъ, изъ 444 костей и изъ всѣхъ членовъ! Для головы пришла (другая) голова (т. е. для переселенія болѣзни), для тѣла пришло тѣло, для души пришла душа! Я привелъ ходатаемъ пророка (Мухаммеда)! Переселяйтесь и уходите! О, проклятые!... по приказу Всевышняго Бога, Творца тысячи міровъ, и по рѣшенію Сулеймана, Божьяго царя! Переселяйтесь и уходите! О, проклятые! Да благословитъ Господь лучшее свое твореніе — Мухаммеда и его все семейство! О, Милостивый изъ милосердыхъ!

3. [Изъ хотанскихъ призываній шамана Нур-ахуна:] . . . о, пери! быстрыми шагами (дәмбас кадам) сейчасъ (ко мнѣ) явитесь по приказанію Бога Высокаго и Великаго! Явитесь сію же минуту! Пришло повелѣніе

¹ Проф. В. Гиргасъ. Словарь къ арабской хрестоматіи и Корану, стр. 738.

(يارليغ) пророка Сулеймана! Пришло повелѣніе пророка Мусы (Моисея): быстрыми шагами сейчасъ же явитесь! Если не явитесь, — у меня есть стальной ножъ, зарѣжу! У меня есть ядовитый кинжалъ (зähärdin хан-цір), — поражу! Теперь же явитесь! У меня есть пушка, — я выстрѣлю вамъ въ ротъ! У меня есть ядовитыя пушки, — я выстрѣлю! У меня есть крѣпкій ящикъ (сандук), — я пришелъ, чтобы заключить васъ туда!

Въ Туркестанѣ вездѣ обиліе разнаго рода гадателей, оракуловъ и кудесниковъ.

Вотъ, напр., палчы¹ или раммалчы (отъ арабск. словъ *رمال* и *فال*), — это просто гадатели по книжкѣ, по выкинувшимся очкамъ на костяхъ; по нашему — это гадатели по «Соломону»; *цадугяр* (перс. *جادوگر*) — это гадатели посредствомъ разныхъ молитвъ и каббалистическихъ словъ, написанныхъ на бумагѣ; послѣдняя (т. е. бумага), по мѣрѣ надобности, или носится человѣкомъ при себѣ, или пускается по вѣтру, сжигается, съѣдается, гдѣ-либо прибавается и т. под.²; гадатель — нужное лицо для влюбленныхъ, которые несутъ ему свои тайны; азаим-хан, дуа-хон (*عزایم خوان دعا خوان*) — онъ ворожить и отвращаетъ нечисть только молитвами и совершенно не играетъ при этомъ въ бубенъ и другіе инструменты; вообще онъ не дѣлаетъ никакихъ церемоній, — его сила только въ молитвахъ; *јадачы* (*یداجی*), т. е. человѣкъ, знающій искусство низведенія съ неба дождя, умѣющій прекращать дождевые ливни, заговаривающій тучи, градъ и снѣгъ; *чиракчи* (*چراغچی*), *бекимчи* (*باقیمچی*) и *чүмкешчи* — гадатели, совершающіе небольшую церемонію, во время которой они прорекаютъ, смотря на свѣтильникъ съ зеркаломъ и на чашку, наполненную водой.

Но названіе «шаманъ» приложимо въ В. Туркестанѣ главнымъ образомъ къ лицамъ, называемымъ *пиріхон*, *періхон* или *пиріхун* (*پری خوان* и *پری خون*). Въ Туркестанѣ нѣтъ турецкаго слова кам для названія шамана, а употребляется персидское *перихон*³, что значитъ: отчитывающій одержимыхъ бѣсомъ (отъ персидскихъ словъ *پری* — пери, духовное существо и *خواندن* — читать)⁴.

¹ Въ В. Туркестанѣ употребляется какъ звукъ «ы», такъ и «і», а потому можно писать и палчи.

² Отъ прежнихъ временъ Туркестана сохранилось нѣсколько подобныхъ древнихъ уйгурскихъ талисмановъ; см. F. W. K. Müller. *Uigurica* II, стр. 99 — 100. Berlin. 1910 (*Aus den Abhandl. der Königl. Preuss. Akademie vom Jahre 1910*).

³ Въмѣсто *перихон* употребляется слово *бакшы* доланами въ Аксуйскомъ оазисѣ.

⁴ Ср. этимологию слова *періхун* у А. Le Coq'a: *peri* + *axund*? См. его *Sprichwörter und Lieder aus... Turfan*. Baessler-Archiv, I, S. 86. Leipzig. 1910.

Нѣсколько странно, что шаманскія церемоніи называются словомъ оюн, что значить «игра», «забава», — хотя нужно имѣть въ виду, что во время моленія бываютъ танцы, музыка, пѣніе; въ стихахъ, которые подъ аккомпаниментъ бубновъ поютъ при шаманскомъ моленіи пѣвцы, есть припѣвъ: «о, пери, веселись, забавляйся, играй!»

Музыканты-игроки въ бубень и пѣвцы при шаманскомъ моленіи называются *ارباغچی* аївакчі (лобнорск.), *авакчі* (хотанск.), *авахчі* (керійск.); это — техническій терминъ, вообще же музыканты на какой-либо, напр., пирушкѣ называются дапчі, т. е. игрокъ въ бубень (отъ перс. слова *دانی*) и наѣмчі (отъ арабск. *نغمه*), т. е. вообще музыкантъ.

Арвакчі же буквально не значить музыкантъ, а «заклинатель», «колдунъ», «гадатель». Во многихъ турецкихъ нарѣчіяхъ есть слово арба, т. е. колдовать, заговаривать, предсказывать; есть слово арбаѣ, арбак, арбау — заговоръ¹; по-якутски арба значитъ вѣдрять чью-либо болѣзнь въ жертвенную скотину².

Шамавами въ В. Туркестанѣ могутъ быть и бываютъ какъ мужчины, такъ и женщины.

По вѣрованіямъ туркестанцевъ, болѣзни ниспосылаются на людей (и животныхъ) особыми духовными существами: джиннами (*جن*), пери, дивами (*ديو*) и др. Есть «пері» христіанскіе, мусульманскіе, еврейскіе (*דב* вут пірі, аксуйск.), языческіе (муѣ пірі), т. е., очевидно, буддійскіе, и кепір пірі, т. е. пери огнепоклонниковъ.

Когда больной расскажетъ шаману свою болѣзнь, шаманъ въ мѣру ли своей фантазіи, своего знанія уроковъ отъ наставника-шамана, или знанія сборника (рисале) по шаманству, объявляетъ, что данная болѣзнь ниспослана такимъ-то, вотъ, духовнымъ существомъ, и тутъ же даетъ больному рецептъ-программу будущаго своего моленія для избавленія человѣка (или животного) отъ болѣзни. Сообразно началу и ходу болѣзни, — причемъ принимается въ соображеніе ниспославшее болѣзнь существо, — опредѣляется благоприятный для моленія день, опредѣляются одно или нѣсколько животныхъ, на которыхъ шаманъ будетъ теперь переводить и заманивать болѣзнь изъ человѣка; опредѣляется и продолжительность церемоніи.

Переведеніе болѣзни въ животныхъ и въ какіе-либо предметы — это главный пунктъ туркестанскаго шаманства.

¹ В. В. Радловъ. Опытъ словаря турецкихъ нарѣчій. Т. I, столб. 335—336.

² Словарь якутскаго языка, составл. Э. К. Пекарскимъ. Вып. I, столб. 139. Спб. 1907. О техническихъ словахъ по шаманству Русскаго Туркестана см. въ статьѣ пр.-доц. А. Н. Самойловича: Туркестанскіе заговоры (*Живая Старина* 1912, стр. 117—124).

Самыми обычными животными, въ коихъ переводится изъ человѣка шаманомъ болѣзнь, являются голубь, курица и овца; иногда же, по ходу обстоятельствъ, болѣзнь заманивается и переводится въ куриное яйцо, въ черепъ собаки, лошади, и, какъ говорили, употребляется даже черепъ человѣка; последнее бываетъ при болѣзни въ головѣ: когда у человѣка нестерпимыя боли въ затылкѣ, то болѣзнь переводится въ черепъ мертвеца. Но все это только на словахъ, а на самомъ же дѣлѣ употребляется теперь (а раньше?) черепъ ястреба; къ этому послѣднему черепу и обращаются, и о немъ говорятъ какъ бы о черепѣ человѣка (въ г. Аксу).

Продолжительность церемоніи опредѣляется технически оюн'ами, т. е. играми, — назначается, напр., 4, 6, 12, 15, 16 игръ, т. е. одинаковыхъ дѣйствій, — или же числомъ употребляемыхъ при моленіи куколъ (копчакъ — турфанск., корчакъ || коічак¹ — лобнорск., хотанск.), которыя при моленіи постепенно, по мѣрѣ надобности, употребляются, а затѣмъ бросаются въ каминъ, и ихъ полное использованіе, такимъ образомъ, указываетъ на конецъ моленія. Напр., назначается 60 куколъ, — это не значитъ, что берется именно 60 палочекъ, обмотанныхъ въ ленты или тряпки. Дѣло обычно упрощается: берутся двѣ-три палочки, обвертываются одной лентой — и онѣ изображаютъ собой цѣлый десятокъ, если не больше, куколъ; такимъ образомъ, вмѣсто, напр., назначенныхъ для моленія 60 — 80 — 100 куколъ, употребляется только на самомъ дѣлѣ 20 — 30 куколъ-палочекъ.

Необходимой принадлежностью полного шамапскаго моленія является тубъ (توغ) — знамя. Его приготовленіе таково: берется веревка, не бывшая въ употребленіи, и свивается въ два или три раза; затѣмъ одинъ конецъ веревки привязывается къ жерди въ потолокъ, а другой привязанъ къ небольшому колу, который весь забивается въ полъ-землю такъ, чтобы веревка была туго натянута и чтобы, держась за нее одной рукой, можно было вертѣться быстро вокругъ нея, не опасаясь, что веревка оборвется сверху, или что силой тяжести человѣка забитый колъ выскочитъ изъ земли.

Затѣмъ, по мѣрѣ состоятельности больного, къ тубу'у сверху, почти подъ самымъ потолокомъ-крышей, привязываются 2 — 3 куска матеріи (напр., зеленого, красного цвѣта); тутъ же къ тубу'у втыкается вѣтка отъ «грудного» дерева (جگده), увѣшанная ленточками, взятыми отъ 7 домохозяйствъ; втыкается въ знамя даже одна игла (въ Аксу).

Тубъ, т. е. эта веревка, въ первый разъ была спущена съ неба на землю архангеломъ Гавріиломъ по приказанію Бога во времена Мухаммеда.

¹ Ср. А. Ле Соф, *op. cit.*, p. 95.

Обычно шаманское моленіе состоитъ изъ трехъ главныхъ дѣйствій. Въ первомъ дѣйствіи, предварительномъ, шаманъ предрекаетъ о порядкѣ предполагаемаго моленія; затѣмъ въ продолженіе двухъ, трехъ и болѣе вечеровъ происходитъ самое моленіе, а утромъ слѣдующаго за этимъ дня бываетъ заключительное, конечное дѣйствіе.

Предварительная часть или, иначе, гаданіе при помощи свѣтильника можетъ быть и самостоятельной краткой шаманской церемоніей. Какъ самостоятельная часть, это гаданіе (въ г. Аксу) происходитъ такъ: чистую чайную чашку (лучше сказать — плошечку или мисочку, изъ которыхъ туркеставцы обычно пьютъ чай) наполняютъ водой и ставятъ на коврикъ на полу; около мисочки ставятся еще зеркало и свѣтильникъ. Разбиваютъ косточку персика, берутъ зерно и сжигаютъ его на очагѣ; образовавшимся отъ зерна уголькомъ мажутъ 7-лѣтнимъ дѣвочкамъ и мальчикамъ руки (ладони) и около глазъ; въ такомъ видѣ дѣти наблюдаютъ воду въ чашкѣ. Глаза мажутся черной краской, чтобы придать имъ особую силу видѣть пери и другихъ духовъ.

Въ чашку съ водой опускаютъ хорошій перстень, немного ваты и иглу.

Шаманъ читаетъ молитвы, смотритъ на воду, зеркало и свѣтильникъ и произноситъ отвѣты на вопросы, предложенные заказывавшими эту церемонію.

Въ Хотанѣ на чашку съ водой кладутъ палочку, чтобы жібын, т. е. собраніе духовъ, имѣло мѣсто для сидѣнія; затѣмъ эти духи спускаются съ палочки ниже, въ воду, гдѣ и забавляются. Шаманъ не можетъ видѣть духовъ прямо въ водѣ, а наблюдаетъ въ зеркалѣ ихъ отраженіе.

Перейду теперь къ описанію полнаго шаманскаго моленія.

Я опишу шаманское моленіе надъ больнымъ мужчиной въ городкѣ Чархлыкѣ на Лоб-норѣ (въ октябрѣ 1914 г.).

Вечеромъ перваго дня въ домъ шаманки пришли родственники больного и просили погадать, при помощи свѣтильника, о предполагаемомъ моленіи для избавленія отъ болѣзни.

На полочкѣ, сверху камина, поставили зажженный свѣтильникъ. Четыре музыканта съ бубнами усѣлись въ сторонѣ. Шаманка держитъ въ правой рукѣ мечъ и кнутъ.

Шаманскій мечъ (кылыш) грубой мѣстной работы бываетъ въ Турфанѣ четверти $2\frac{1}{2}$ длины, въ южной же Кашгаріи и на Лоб-норѣ употребляются мечи небольшіе, въ формѣ кинжала, четверти $1\frac{1}{2}$ длиной. У большихъ мечей для бряцанія, между лезвиемъ и деревянной ручкой, находятся желѣзные кольца. Въ Пичанѣ у шамана я видѣлъ два меча: одинъ — съ 6 кольцами, а другой — съ пятью. Какъ оказалось, этимъ вторымъ мечомъ оперируетъ надъ больными жена шамана, т. е. прикасается мечомъ къ

большимъ мѣстамъ въ экстренныхъ, неотложныхъ случаяхъ, когда самого шамана заполучить немедленно къ тяжкому больному бываетъ совершенно невозможно.

Продолжаю описаніе церемоніи.

Шаманка колетъ мечомъ стѣну у камина, садится на полъ передъ каминномъ и шепчетъ «про себя» стихи-молитвы. Затѣмъ она кнутъ и мечъ кладетъ на полъ, а вмѣсто нихъ беретъ зерна растенія зірă¹, три раза подноситъ ихъ ко рту и шепчетъ надъ ними свои молитвы. Шаманкѣ подають часть кирпича-сырца или какую-либо плоску съ горячими угольями, на которые она кладетъ зерна зірă; отъ зеренъ идетъ благоуханіе. Въ это время музыканты начинаютъ играть на бубнахъ и громко пѣть пѣсни.

Кстати: двѣ пѣсни подобныхъ музыкантовъ, одна изъ которыхъ опубликована (съ музыкой) Пантусовымъ², а другая — Лекокомъ³ и статья Пантусова «Таранчинскіе бакши»⁴ представляютъ собою все намъ извѣстное до сихъ поръ по восточно-туркестанскому шаманству.

Шаманка беретъ въ лѣвую руку мечъ и плеть, а на запястье правой руки ставитъ плоску съ куреніемъ и начинаетъ танцовать-кружиться по комнатѣ.

Во время танцевъ она дѣлаетъ 2—3 поклона по направленію къ горящему на каминѣ свѣтильнику. Затѣмъ шаманка, размахнувшись рукой во время танца, бросаетъ съ запястья чашку съ куреніемъ черезъ дверь на дворъ, а сама дѣлаетъ поползновеніе упасть. Въ это время её подхватываетъ кто-либо изъ присутствующихъ. Подходятъ къ шаманкѣ двое мужчинъ и спрашиваютъ у полулежащей шаманки, что она видѣла и что нужно для предстоящаго моленія. Шаманка сообщила, что слѣдуетъ молиться три дня и что понадобится козлёнокъ темножелтой шерсти (цабыл оулак — лобнорск.), голубь, курица, три знамени (т. е. три куска матеріи) къ главному знамени-тубу — бѣлое, красное и голубое; еще понадобятся 51 бѣлая и 61 голубая куклы.

Во время вышеприведенныхъ вопросовъ и отвѣтовъ музыканты не поютъ и не играютъ.

Затѣмъ мужчины, поддерживавшіе шаманку, выпускаютъ ее изъ рукъ, и она опускается на полъ.

¹ زیره перс. тминъ, анисъ. Въ Хотанѣ для куренія употребляется дерево сандалъ.

² Н. Н. Пантусовъ. Матеріалы по изученію нарѣчія таранчей Изійскаго округа. Выпускъ 5: Молитвы и заговоры таранчинскихъ бакшей. Таранчинскій текстъ, напѣвъ бакшей, академическая транскрипція и русскій переводъ (съ предисловіемъ Н. О. Катанова). Казань. 1901 г.

³ А. Ле Соq, op. cit., стр. 50—51, № 3.

⁴ Н. Пантусовъ. Таранчинскіе бакши. Пери уйнатмакъ. (Способы игры и лѣченія бакшей). Ташкентъ. 1907.

Музыканты заиграли.

Немного погодя, шаманка приходитъ въ себя; музыканты перестаютъ играть. Шаманка колетъ мечомъ стѣну у камина, а кнутомъ какъ бы прогоняетъ въ дверь находящихся около себя духовъ.

Этимъ первая часть церемоніи, часть предварительная, и закончилась.

На слѣдующій день церемонія пачалась въ 8 ч. вечера.

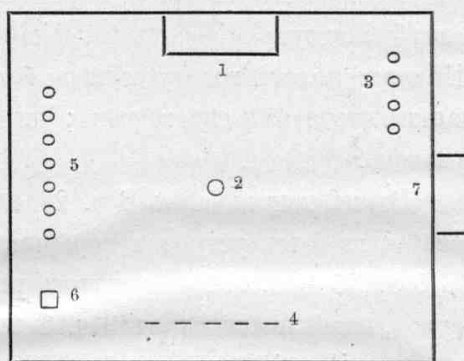
Музыканты, подойдя къ камину, сушатъ свои бубны. Шаманка, сидя между каминомъ и знаменемъ-туф'омъ, начинаетъ, погружаясь въ созерцаніе, раскачиваться своимъ туловищемъ; она дуетъ и что-то шепчетъ на плетку, которую держитъ въ правой рукѣ, затѣмъ подходитъ къ больному, сидящему около туф'а на полу, и обводитъ плеткой надъ его головой.

Музыканты начинаютъ громко пѣть подъ музыку бубновъ. Шаманка опять садится на прежнее мѣсто; она потягивается и раскачивается туловищемъ, имѣя въ лѣвой рукѣ плеть и мечъ, а въ правой — угли съ куреніемъ. Шаманка встаетъ и танцуетъ кругомъ туф'а, замахиваясь мечомъ и плеткой на воздухъ, больше по направленію къ выходной двери (на планѣ подъ цифрой 7), затѣмъ бросаетъ угли съ куреніемъ въ дверь, а сама продолжаетъ танцовать. Музыканты громко поютъ пѣсни и играютъ въ бубны.

Въ данномъ случаѣ полъ въ комнатѣ, гдѣ происходило моленіе, оказался очень рыхлымъ и плохо держалъ колъ, а потому привязанная къ нему веревка-знамя, свѣшивающаяся съ потолка, была плохо натянута, и, кружась, за нее нельзя было держаться одной рукой; вслѣдствіе этого больной во время моленія сидѣлъ около туф'а, а танцовала только шаманка, не держась рукой за туф.

Шаманка зажигаетъ отъ свѣтильника двѣ куклы, т. е. палочки, обмотанные тряпками, шепчетъ что-то надъ ними, а затѣмъ, подержавъ ихъ у лица больного, бросаетъ куклы въ каминъ, гдѣ онѣ и сгораютъ.

Шаманкѣ подается голубь; она стоитъ передъ каминомъ и, прочитавъ про себя молитву, машетъ голубемъ надъ головой больного, затѣмъ отдаетъ голубя обратно, водить плеткой надъ головой больного и ходитъ кругомъ туф'а. Шаманкѣ подають курицу; съ курицей шаманка молится передъ



Планъ комнаты.

- 1) Каминъ. 2) Туф — знамя отъ пола до потолка; около него сидѣлъ больной. 3) Мѣсто музыкантовъ. 4) Зрительницы-женщины. 5) Зрители-мужчины. 6) Мѣсто автора статьи. 7) Входъ.

камино́мъ, затѣмъ трижды обводитъ курицей надъ головой больного, надъ которою опять машетъ плеткой и опять ходитъ, тапцую кругомъ ту́'а.

То же продѣлывается и съ козленкомъ, котораго шаманка держитъ за ноги спиной внизъ. Такъ какъ козленокъ былъ большой и шаманка съ трудомъ его вскидывала, то больной даже немного наклонялся, чтобы облегчить шаманкѣ ея работу вскидыванія надъ нимъ козленка.

Музыканты во время церемоніи съ животными и играютъ и поютъ, а затѣмъ вдругъ мѣняютъ мелодію на болѣе быструю и уже только играютъ. Шаманка колетъ голову и шею больного мечомъ и въ тактъ музыкѣ бряцаетъ кольчиками своего меча; она массируетъ плеткой голову и туловище больного.

Этимъ кончилось въ 8 ч. 21 мин. вечера первое отдѣленіе церемоніи, послѣ чего былъ устроенъ перерывъ-отдыхъ для музыкантовъ и шаманки. Въ 8 ч. 35 мин. вечера началось второе отдѣленіе церемоніи, похожее на первое, закончившееся въ 9 ч. 8 мин. Послѣ этого должно было бы быть третье отдѣленіе, но такъ какъ прислуживавшій шаманкѣ ея братъ очень много израсходовалъ зеренъ зирѣ для куренія въ двухъ предшествующихъ отдѣленіяхъ, и куренія больше не оказалось, то порѣшили ограничиться двумя только-что совершенными.

Курица, которая употреблялась при данномъ моленіи, была свѣтло-рыжеватаго цвѣта — мѣлліа тохо (хотанск., турфанск. и лобнорск.).

Шаманка танцевала съ голыми ногами; такъ же, т. е. безъ обуви на ногахъ, танцевали и другіе шаманы и шаманки.

На второй день, опять вечеромъ, шаманскій сеансъ начался повтореніемъ вчерашнихъ дѣйствій и совершался въ теченіе получаса.

На послѣдній, третій, день церемонія началась въ 8 ч. 20 мин. вечера.

Шаманка и больной сидятъ на прежнихъ своихъ мѣстахъ около знамени, какъ и раньше. Передъ шаманкой на полу — куреніе, а около шаманки прислуживающій ей человѣкъ держитъ въ рукѣ 41 тальниковый пруть, по 1 аршину длиной, безъ листьевъ. Музыканты поютъ и играютъ.

Шаманка съ куреніемъ ходитъ кругомъ ту́'а; ставитъ куреніе на каминь; тапцуетъ. Затѣмъ она беретъ нѣсколько куколъ, зажигаетъ ихъ отъ свѣтильника и машетъ ими надъ головой и у лица больного.

Въ это время начала танцевать одна изъ зрительницъ — старуха Зораханъ.

Шаманка беретъ 41 пруть въ руки, раздѣляетъ ихъ на два пучка и машетъ ими надъ больнымъ; шаманка даетъ пяти мужчинамъ, сидящимъ ближе къ камину, по два прута въ каждую руку.

Старуха въ это время перестаетъ танцевать.

Каждый мужчина, получившій четыре прута, поочередно вставалъ

со своего мѣста, обходилъ съ прутьями три раза кругомъ туб'а, передавалъ прутья шаманкѣ, снова обходилъ (безъ прутьевъ) три раза кругомъ туб'а и, наконецъ, садился на свое прежнее мѣсто.

Затѣмъ шаманка всѣми прутьями (41) ударяетъ больного по спинѣ и быстро передаетъ ихъ прислуживавшему человѣку, который и убѣжалъ съ ними на дворъ. Больной же всталъ и сѣлъ въ сторонку къ зрителямъ, а шаманка мечомъ грозила по направленію къ выходной двери. Этимъ и закончился, въ 9 ч. вечера, весь церемоніаль даннаго моленія.

Шаманка во время моленія ходила, танцевала и кружилась съ правой стороны на лѣвую.

Слѣдуетъ добавить, что лобнорская шаманка во время моленія не прочитала вслухъ ни одной молитвы; всѣ стихи-молитвы она читала про себя, и въ танцахъ она была не такъ искусна.

Я вспоминаю, какъ отличнаго танцора, шаярскаго шамана (т. е. изъ Шаяра) въ г. Урумчи, гдѣ на моленіи былъ вмѣстѣ со мной и консулъ А. А. Дьяковъ; этотъ же шаярскій шаманъ читалъ стихи-молитвы громко и довольно ясно. Хорошо и внятно читали стихи шаманъ Нур-ахунъ въ Хотанѣ, шаманъ въ Каргалыкѣ и шаманъ въ г. Аксу; особенной изступленностью и экстазомъ во время сеанса отличался этотъ послѣдній—аксуйскій старикъ-шаманъ.

Приведу еще описаніе центральной части шаманскаго моленія надъ больной старухой въ г. Аксу (въ февралѣ 1915 г.).

Шаманъ сдѣлалъ внѣ комнаты мусульманское омовеніе. Музыканты у камина сушатъ бубны. Въ 8 ч. вечера приходитъ шаманъ и читаетъ молитву по-арабски надъ хлѣбами; при этомъ шаманъ и всѣ присутствующіе держать у лица, по-мусульмански, руки. Всѣ провозносятъ, послѣ молитвы, «амин!» Шаманъ ломаетъ хлѣбъ-лепешки на части и раздаетъ присутствующимъ. Всѣ ѣдятъ. Шаманъ сидитъ у туб'а и читаетъ двѣ молитвы: сначала по-арабски, а затѣмъ вторую — по-турецки, т. е. на аксуйскомъ нарѣчій турецкаго языка.

Около туб'а на полу кладутъ горячіе угли съ куреніемъ. Больная стоитъ около туб'а, держась за него руками, и куреніе идетъ подъ подолъ ея рубашки.

Кто-либо зажигаетъ четыре свѣчки (نوكجه [нѡхчѣ аксуйск.] — солома чія съ обмотанной ватой) и втыкаетъ ихъ въ землю около туб'а; свѣчи тоже приходятся подъ подоломъ рубашки старухи.

Шаманъ читаетъ молитву, а затѣмъ беретъ плеть (камчы). Четыре свѣчи бросаются въ кампъ. Музыканты начинаютъ играть и пѣть.

Шаманъ сидитъ у туѣ'а и плетью гоняетъ вокругъ послѣдняго больную старуху.

Больная кружится очень быстро, держась одной рукой за туѣ; наконецъ, она падаетъ отъ усталости и головокруженія. Паденіе больной какъ бы придало шаману болѣе силы; онъ воодушевился и бодро заходилъ кругомъ туѣ'а, читая молитвы. Шаману подаютъ чашку съ шервет, т. е. съ напиткомъ: вода съ ягодами «грудного дерева» (цигдѣ), и шаманъ брызжетъ изъ рта этой водой на больную; послѣдняя приходитъ въ себя и садится.

Шаманъ массируетъ больную руками. Зажигаютъ опять четыре свѣчи и втыкаютъ ихъ въ хлѣбъ, лежащій въ свою очередь тоже на хлѣбѣ-лепешкѣ; все это кладется на голову больной старухи. Больная съ хлѣбами ходитъ кругомъ туѣ'а, а шаманъ зажигаетъ отъ свѣтильника пукъ соломы, которымъ преграждаетъ путь кружащейся больной, и ей три раза приходится перешагивать черезъ зажженную солому.

Шаманъ беретъ бѣлую курицу и вертитъ ею надъ больною. Больная плюетъ на курицу. Шаманъ читаетъ мусульманскую молитву, во время которой всѣ дѣлаются сосредоточенными и держатъ руки передъ лицомъ. Послѣ молитвы всѣ кричатъ: «амин!» и вытираютъ лицо руками.

Насталъ небольшой перерывъ.

Послѣ перерыва больная легла на полъ.

Шаманъ-старикъ уступилъ дальнѣйшее дѣйствіе своему сыну, а самъ сѣлъ ко мнѣ.

Сынъ шамана прочиталъ передъ туѣ'омъ про-себя молитву, утеръ лицо руками, руками же дотронулся до туѣ'а и затѣмъ тронулъ свои лобъ и подбородокъ. Совершивъ эти приготовленія, онъ снимаетъ сапоги и портянки и голой ногой сильно ударяетъ по три раза по раскаленной докрасна лопатѣ — кетмен (лопата особой формы сравнительно съ нашими лопатами); затѣмъ быстро этой же ногой спѣшитъ наступить на часть оголенной спины больной старухи; больная испытывала переходящую ей въ спину теплоту отъ разгоряченной лопатой-кетмен'омъ ноги. Это повторялось пять разъ; такимъ образомъ сынъ шамана ударилъ сильно ногой по раскаленному кетмен'у 15 разъ. Послѣ этого онъ отошелъ въ сторону, нѣсколько прихрамывая. Опять выступаетъ старикъ-шаманъ.

Больная продолжаетъ лежать на полу, а шаманъ то читаетъ молитву и прикасается плетью къ лежащей больной, то разговариваетъ со мной, а въ это самое время двое юношей граціозно танцуютъ вокругъ туѣ'а. Музыканты для нихъ поютъ и играютъ. Послѣ юношей выступили танцовать двѣ молодыя женщины, одна изъ коихъ раскланялась со всѣми присутствующими, а потомъ, тоже раскланявшись съ присутствующими, выступила въ танцъ пара болѣе пожилыхъ женщинъ.

Танцы эти являются при церемоніи выраженіем доброжелательства, сильной помощи со стороны родныхъ и близкихъ знакомыхъ по отношенію къ больному или больной.

Затѣмъ шаманъ прочиталъ съ приподнятыми по-мусульмански руками молитву, всѣ прокричали «амин!»—и опять насталъ перерывъ.

Шаманъ сообщилъ мнѣ, что до сихъ поръ было совершено семь игръ-отдѣловъ и что теперь будетъ одна большая игра.

Шаманъ садится у туф'а и завязываетъ въ узлы полы своей рубахи; завязываетъ узелки на четырехъ концахъ платка и этотъ платокъ съ 4 узлами надѣваетъ себѣ на голову подъ шапку.

Шаманъ читаетъ молитву и три раза рѣзко вскрикиваетъ: «ай!» Музыканты не играютъ, и ихъ бубны сложены на полу у туф'а. Больная сидитъ на полу, держась за туф. Шаманъ вѣшаетъ на шею больной свою плеть. На кинжалъ, воткнутый въ стѣну около камина, повѣсили нитку и положили у туф'а уголья съ куреніемъ. Больная встаетъ, держится руками за туф; куреніе направляется подъ подолъ ея рубахи. Далѣе идетъ мусульманская молитва, послѣ которой всѣ кричатъ «амин!»

Куреніе убирается, но больная продолжаетъ стоять у туф'а; шаманъ беретъ одинъ бубенъ и самъ играетъ и поетъ. Сначала онъ поетъ очень медленно и не очень громко, по временамъ неожиданно громко и пронзительно вскрикиваетъ «ай!» Затѣмъ музыканты берутъ свои бубны и начинаютъ подыгрывать шаману, который, придя въ экстазъ, постепенно ускоряетъ темпъ музыки и пѣнія и поетъ все громче и громче.

Больная опускается на полъ, а шаманъ встаетъ съ пола и начинаетъ лихо, съ большой удалью и задоромъ ходить кругомъ туф'а. Во многихъ мѣстахъ въ стѣну втыкаются свѣчи; комната дѣлается свѣтлой, и шаманъ, держа мечъ въ зубахъ, продолжаетъ быстро и съ задоромъ ходить кругомъ туф'а. Шаманъ держитъ въ рукѣ нитку съ большимъ количествомъ узловъ на ней.

Шаманъ колетъ больную мечомъ въ глаза, животъ и шею. Около камина воткнуты въ стѣну 5 — 6 свѣчей, больная становится къ стѣнѣ, и голова ея приходится около — или среди — воткнутыхъ въ стѣну свѣчей. Шаманъ съ чтеніемъ молитвъ-стиховъ мечомъ сильно колетъ больной разные мѣста тѣла, а именно: мѣста выше глазъ, т. е. какъ бы выкалываетъ глаза, дѣлая видъ, что съ большой силой давитъ на мечъ. Больная, впрочемъ, иногда вскрикивала; очевидно, шаманъ иногда причинялъ старухѣ боль. Затѣмъ колотъ мечомъ шею и животъ больной. Родные больной—дочь и сынъ—въ это время очень беспокоились, особенно когда старуха иногда отъ боли(?) вскрикивала и взмахивала руками¹.

¹ Я вспоминаю, какъ эта же церемонія съ мечомъ произвела сильное впечатлѣніе на консула въ г. Урумчи А. А. Дьякова, который вмѣстѣ со мной присутствовалъ на шаман-

Затѣмъ во второй разъ приносится раскаленный въ каминѣ докрасна кетмен (лопата).

Шаманъ прикасался нѣсколько разъ языкомъ къ лопатѣ и послѣ каждаго раза быстро дѣлалъ воздушный плевкокъ на больную. При прикосновеніи языка къ лопатѣ раздавалось шипѣніе; я подошелъ очень близко къ шаману и смотрѣлъ, дѣйствительно ли онъ прикасается языкомъ до раскаленной лопаты: онъ прикасался.

Шаманъ помѣстилъ раскаленную лопату подъ подолъ больной, пилъ и выплевывалъ напитокъ—шервет на лопату; поднимающійся затѣмъ паръ онъ направлялъ подъ рубаху старухи.

Больная ложится около туб'а, а шаманъ продолжаетъ быстро ходить вокругъ него. Затѣмъ шаманъ начинаетъ гватся съ плетью вокругъ туб'а и всѣхъ присутствующихъ; послѣдніе бѣгаютъ и кричатъ.

Все стихаетъ. Жена шамана приноситъ изъ другого помѣщенія (изъ кухни) котель съ теплыми отрубями, кладетъ горсть отрубей въ полотенце и передаетъ шаману, а послѣдній прикасается сверткомъ теплыхъ отрубей къ разнымъ частямъ тѣла больной, стараясь просунуть руку подъ рубаху, чтобы теплота отрубей переходила въ тѣло старухи. Шаманъ зажигаетъ вату надъ больной. Больная встаетъ и тихонько кружится около туб'а. Затѣмъ она совершаетъ танецъ съ хлѣбами на головѣ (какъ раньше) и перешагиваетъ (опять какъ раньше) черезъ горящую солому. Шаманъ обмахиваетъ больную бѣлой курицей и читаетъ молитву; послѣ общаго крика «амин!» моленіе на сегодняшний день, въ 10 часовъ вечера, закончилось.

Утромъ слѣдующаго дня на моленіи я не былъ, но, по сообщенію самого шамана, оно происходило такъ. Приготовили до двадцати токач, т. е. небольшихъ сырыхъ хлѣбцевъ и столько же свѣчей. Моленіе было безъ музыкантовъ. Шаманъ взялъ пукъ соломы и зажегъ его. Больная въ это время сидѣла около туб'а; на головѣ у нея была тарелка съ хлѣбцами и со свѣчами.

Шаманъ съ чтеніемъ молитвъ обводилъ горячей соломой вокругъ больной. Затѣмъ солома была брошена въ каминъ, а хлѣбцы выброшены собакѣ. Моленіе на этомъ закончилось.

По большей части завершеніе шаманскаго моленія бываетъ рано утромъ внѣ дома, въ ближайшемъ глухомъ переулкѣ или, что лучше, около

скомъ моленіи въ апрѣлѣ 1914 г. Шаманъ, казалось тогда, очень сильно — можно сказать, изъ всѣхъ силъ — давилъ на переносѣ больной, которая лежала покрытая черной матеріей, такъ что г. Дьяковъ даже обратился ко мнѣ съ вопросомъ, не убьетъ ли шаманъ больную. Видя увѣренныя движенія шамана, я былъ спокоенъ, но въ г. Аксу и я боялся, какъ бы мечъ пришедшаго въ изступленіе старика-шамана не соскользнулъ съ мѣста около глазъ и не угодилъ въ самый глазъ, и тогда больная лишилась бы зрѣнія.

полей за селеніемъ или городомъ; отъ дома къ полямъ идутъ всѣ такъ или иначе принимающіе участіе въ церемоніи; ходъ по улицамъ сопровождается пѣніемъ и музыкой. Въ Хотанѣ, напр., мнѣ пришлось видѣть, какъ для завершенія моленія вели съ музыкой и пѣніемъ по главнымъ базарнымъ улицамъ за городъ даже большую лошадь; эта большая процессія не обращала на себя особеннаго вниманія, какъ обычное, рядовое явленіе.

Съ курицей, кромѣ описаннаго, поступаютъ во время моленія (въ г. Хотанѣ) еще такъ: шаманъ отдираетъ у живой курицы шейную кожу и протыкаетъ ее ножомъ; курица какъ бы замираетъ. Шаманъ съ висящей на ножѣ курицей бѣгаетъ кругомъ туб'а къ ужасу всѣхъ присутствующихъ. Затѣмъ онъ вынимаетъ ножъ (изъ кожи), дуетъ на курицу, бросаетъ ее — и она спокойно удаляется въ какой-либо уголь.

Въ г. Аксу курицу не надолго погребаютъ въ землю около туб'а; потанцовавъ надъ ней, шаманъ откапываетъ ее живой и невредимой.

Въ Хотанѣ шаманъ Нур-ахунъ поразилъ меня во время одного моленія надъ больной женщиной тѣмъ, что нѣсколько моментовъ стоялъ на курицѣ и даже переступалъ при этомъ ногами!

Этотъ же Нур-ахунъ, накаливъ немного у свѣтильника небольшой пожъ, засовывалъ его себѣ далеко въ ротъ.

Въ г. Аксу я слышалъ, что раньше нѣкоторые шаманы клали пылающіе угли въ ротъ и въ такомъ видѣ плясали около туб'а.

Въ послѣднее время шаманство перенимаетъ нѣкоторыя вещи изъ китайскаго культа, а именно: ракеты и желтую бумагу. Дѣло въ томъ, что въ Китайскомъ Туркестанѣ китайцы, за малочисленностью здѣсь китайнокъ, берутъ себѣ въ жены сартянокъ; эти послѣднія приглашаютъ къ заболѣвшимъ своимъ дѣтямъ шамановъ-сартовъ, которые, при моленіяхъ надъ дѣтьми, употребляютъ китайскія ракеты (подац) и обмахиваютъ ихъ (т. е. дѣтей) горящей желтой китайской бумагой (въ Хотанѣ).

Каждый шаманъ и шаманка имѣютъ у себя рукописную книжечку *رساله پيرخون* или *فری خانلیق رسالهسی* (съ соблюденіемъ туземной орфографіи); это — своего рода шаманскіе катихизисы. По своему плану они вполне похожи на обычныя средне-азіатскія цеховыя посланія — рисале, т. е. рисале мясниковъ, портныхъ, ювелировъ, шерстобитовъ и проч.¹ Здѣсь, такъ же какъ и тамъ, сначала излагается исторія происхожденія шаманства: обычно

¹ См. переводъ нѣсколькихъ рисале и примѣчанія къ нимъ въ соч. М. Гаврилова. Рисоля сартовскихъ ремесленниковъ. Ташкентъ. 1912. Рецензію А. Н. Самойловича на это сочиненіе см. Живая Старина 1914, стр. 229—230 и Отчетъ о состояніи и дѣятельности Имп. С.-Петербургскаго Университета за 1910 г., стр. 398—399.

Богъ посылаетъ архангела Гавріила и черезъ него научаетъ людей шаманскимъ дѣйствіямъ; излагаются и молитвы при разныхъ шаманскихъ дѣйствіяхъ; напр., если хочешь ступить на раскаленное желѣзо, то читай такую-то молитву; если хочешь глотать ножъ, то читай такую-то молитву, и т. д.

Кромѣ того, у шамановъ имѣются *یدرا جلیق رساله‌سی*, т. е. посланіе по низведенію дождя (яда), *اسناء دعای حیات* или *دبیات نامه*, т. е. «любвоникъ», *فال نامه* — «Соломонъ» и масса разныхъ сонниковъ и книгъ о счастливыхъ годахъ, мѣсяцахъ и дняхъ.

Подобная литература чрезвычайно распространена не только у профессионаловъ-гадателей, но и у всѣхъ сартовъ Китайскаго Туркестана.

Шаманство въ В. Туркестанѣ имѣетъ много общихъ чертъ съ шаманствомъ другихъ турецкихъ (и монгольскихъ) племенъ Сибири и Центральной Азіи. Здѣсь знамя-тузъ, увѣшанное кусками матерій — это то же, что березовый стволъ у сибирскихъ турецкихъ племенъ. Передъ березой въ Сибири устраиваются моленія; береза увѣшивается лентами; вокругъ березы шаманы танцуютъ¹; у желтыхъ уйгуровъ (въ китайской провинціи Гань-су) моленіе происходитъ передъ вѣткой «грудного» дерева, украшенной лентами разныхъ цвѣтовъ². Какъ здѣсь, такъ и тамъ употребляются при моленіи животныя, лижется раскаленная лопата, ступается на нее же голой ногой, глотаются ножъ и т. п.

Нѣкоторые восточно-туркестанскіе стихи сходятся съ урянхайскими³, но еще больше сходны они съ туркменскими заговорами, изданными пр.-доц. А. Н. Самойловичемъ⁴. Стихи при церемоніи «яда» очень близки къ таковымъ же сагайскимъ и алтайскимъ.

Шаманство въ Восточномъ Туркестанѣ теперь не можетъ развиваться въ смыслѣ, напр., свободнаго творчества шаманскихъ призываній; какъ призыванія, такъ и дѣйствія шамана напередъ указаны и приводятся въ рукописныхъ обрядникахъ (рисале), но именно это закрѣпленіе шаманства въ рукописныхъ сборникахъ и проникновеніе исламомъ, надо думать, обезпечиваютъ шаманству въ Туркестанѣ долгую жизнь.

Петроградъ.
Февраль. 1916.

¹ См. предисловіе Н. Ѳ. Катанова къ цитированному сочиненію Н. Н. Пантусова; С. Е. Маловъ. Нѣсколько словъ о шаманствѣ у турецкаго населенія Кузнецкаго уѣзда, Томской губ. (Живая Старина 1909, вып. II—III).

² С. Е. Маловъ. Остатки шаманства у желтыхъ уйгуровъ. Живая Старина 1912, стр. 61—74.

³ См. IX т. Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ, изд. В. В. Радловымъ. Тексты, собр. и перев. Н. Ѳ. Катановымъ. Спб. 1907.

⁴ Живая Старина 1912, стр. 117—124.